DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48

М. Шруба

Миланский университет,
20099 г. Сесто-Сан-Джованни (Милан), Италия

К типологии литературных объединений в дореволюционной России

В статье предлагается типология литературных объединений Серебряного века, основанная на трех формальных (функциональных) критериях: степень социализации, степень формализации и степень официализации. Результатом является трехчленная типология литературных объединений: салоны, кружки и общества. В качестве дополнения обсуждаются смежные формы самоорганизации литературной общественности, поддающиеся описанию с применением указанных типологических критериев: литературные банкеты (обеды), писательские юбилеи, годовщины смерти и публичные похороны писателей.

Ключевые слова: литературные объединения, типология, салон, кружок, общество, литературный быт, литературная общественность, Серебряный век

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шруба М. К типологии литературных объединений в дореволюционной России // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 23–48. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48

© Шруба М., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48

M. Schruba

Universita degli Studi di Milano,
Sesto San Giovanni (MI), 20099, Italy

Towards a typology of literary associations in prerevolutionary Russia

The article proposes a typology of literary associations in the Silver Age, based on three formal (functional) criteria: degree of socialization, degree of formalization and degree of officialization. The result is a tripartite typology of literary associations: salons, circles and societies. Additionally, the article discusses also adjacent forms of literary community describable with the application of the indicated typological criteria: literary banquets (dinners), writers jubilees, death anniversaries, and public funerals of writers.

Key words: literary associations, typology, salon, circle, society, literary community, the social-environmental aspect of literature, Silver Age

FOR CITATION: Schruba M. Towards a typology of literary associations in prerevolutionary Russia. *Rhema*. 2020. No. 4. Pp. 23–48. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48

Что такое литературное объединение?

С начала 1990-х гг. автор настоящей статьи занимался составлением справочника о литературных объединениях Москвы и Петербурга периода Серебряного века. Основной результат этого проекта был опубликован отдельным изданием в 2004 г.; в книгу вошло более 350 статей о русских столичных литературных обществах, кружках и салонах [Шруба, 2004]; два года спустя нами были опубликованы дополнения к этому словарю, куда вошли статьи о еще 30 не учтенных ранее объединениях [Шруба, 2006].

В предисловии к справочнику сообщались не только критерии отбора включенных в словарь литературных объединений, но и определения составных частей понятия «литературное объединение». «В справочнике характеризуются литературные *объединения* в самом широком

смысле этого слова: от профессиональных писательских союзов до домашних журфиксов у людей, близких к литературным кругам. <...>

В объяснении нуждается и смысл, вкладываемый здесь в понятие объединения *литературного*. Представленные в настоящем справочнике общества и кружки включают литераторов (при возможном участии представителей других профессий) и объединяют их на литературной (или близкой к ней) почве. Соответственно включены, во-первых, творческие группировки и профессиональные союзы писателей; во-вторых, объединения, занимающиеся обсуждением литературных вопросов; в-третьих, «окололитературные» (литературно-художественные, литературно-театральные, литературно-философские, литературоведческие и т.п.) объединения, при условии, что они сохранили в своей деятельности и в составе членов достаточно тесную связь с литературной средой [Шруба, 2004, с. 7–8].

Опущенный в приведенной выше цитате пассаж содержит беглый перечень основных типов или категорий, представленных в словаре литературных объединений («общества», «кружки», «салоны», «псевдогруппировки», «“фантастические” общества», «направления»), с их коротким описанием. Данная дескриптивная (морфологическая) типология была создана в свое время *ad hoc* для потребностей словаря с целью охвата всех представленных в нем явлений (в том числе и тех, которые в строгом смысле объединениями не являются); в связи с этим она не отличается желательной методологической строгостью. Настоящая работа предлагает более систематическое решение проблемы типологического членения феномена «литературное объединение».

Критерии типологического членения

Рассуждения типологического порядка о литературных объединениях имеются во вступительных статьях к двум, вышедшим почти одновременно, сборникам материалов и мемуарных свидетельств о литературных кружках и салонах первой половины XIX в. [Аронсон, Рейсер, 1929; Бродский, 1930]. В своей вступительной статье к первому из этих сборников М.И. Аронсон сопоставляет лишь кружки и салоны (мимоходом упоминаются организации корпоративного и профессионального характера), причем оба типа объединений противопоставлены друг другу несистематически, на основе отдельных, произвольно выбранных признаков [Аронсон, 1929, с. 32–38]: кружки недолговечны (с. 34), салоны «более живучи, чем кружки» (с. 36); у салонов «нет твердо фиксированного состава посетителей и нет обязательности его посещения», которая наблюдается в практике кружков (с. 37); «характерной чертой салона является наличие *хозяев*» (с. 37), вокруг которых образуется ядро

посетителей; между тем, члены кружка связаны друг с другом общностью интересов. «Литературные функции кружков и салонов также различны. Кружок больше связан с писателем, салон – с читателем» (с. 37) [см. также: Бродский, 1930, с. VI–VIII].

В своей монографии о писательском объединении и кооперативном издательстве 1920-х гг. «Никитинские субботники» Д.М. Фельдман посвятил проблеме типологии литературных объединений целую главу [Фельдман, 1998, с. 29–40]. Подводя итоги своим наблюдениям, он пишет: «Таким образом, по отношению к периоду, начавшемуся в 1900-е годы и завершившемуся в 1917 г., можно выделить четыре основных типа литературных организаций:

1. Объединения, создаваемые литераторами (профессионалами ли, дебютантами) как своего рода «творческие лаборатории» – для совместного обсуждения написанного. Необходимое условие формирования – идейная общность участников или, по крайней мере, отсутствие существенных противоречий. Организации этого типа функционально соответствуют кружкам предшествующих периодов. Совместная издательская деятельность – если объединение к ней переходит – лишь одна из задач, и не обязательно главная.

2. «Группы взаимной поддержки», формируемые с изначальной установкой на издательскую деятельность. И здесь проблема отсутствия или сглаживания идейных противоречий, что уже отмечалось выше, важна, однако не первостепенна, как для объединений кружкового типа. Подобные организации в более поздний период было принято называть группировками.

3. Литературные, или же литературно-артистические салоны. Тут вопрос об идейном единстве участников обычно не ставился, поскольку состав их определялся не коллективным решением, но личным выбором хозяина или хозяйки салона.

4. Профессиональные клубы литераторов, художников и актеров. Для этих организаций терпимость к идейным разногласиям – основное правило» [Там же, с. 38–39].

Как явствует из приведенной выше цитаты, критерием членения типологии Д.М. Фельдмана является степень «идейной общности» среди участников. В случае первых двух категорий (кружки литераторов и «группы взаимной поддержки») имеется идейное единство или, по крайней мере, отсутствие противоположностей; для *авторских кружков* централен именно аспект идейной (мировоззренческой, эстетической) близости; в случае «*групп взаимной поддержки*» «идейная общность» сводится к осуществлению конкретных общих материальных целей. Для категории *салонов* вопроса об идейном единстве

не существует, поскольку круг участников определяется не посетителями, а хозяином. В случае же *профессиональных клубов литераторов*, ввиду изначальной миросозерцательной неоднородности состава членов, налицо идейная разобщенность, причем взаимотерпимость становится необходимым условием деятельности подобных объединений.

Модель Д.М. Фельдмана сводится, в сущности, к дихотомическому делению на «идейно единые» объединения (кружки, группировки) и «идейно гетерогенные» объединения (салоны, клубы). В конечном итоге она оказывается идентичной прежней оппозиции кружок vs. салон – хотя и внутренне дифференцированной и наделенной дополнительной содержательной интерпретацией. Между тем, типологическое членение вообще предпочтительнее производить на основе формальных (функциональных) различительных признаков, чем опираясь на содержательные (дескриптивные) критерии членения; иначе типологию приходится заново расширять и добавлять новые категории, как только появляется новое содержимое. Для целей настоящей работы типология Д.М. Фельдмана неприменима уже по той причине, что в нее плохо вписываются, например, профессиональные писательские объединения профсоюзного типа (где «идейная» общность конкретных материальных интересов идет рука об руку с принципиальной мировоззренческой разобщенностью).

Ниже предлагается альтернативная модель типологии литературных объединений. В ее основу легли три взаимосвязанные формальные (функциональные) критерии членения: во-первых, *степень социализации* данного объединения; во-вторых, *степень его формализации*; в-третьих, *степень его официализации*. Результатом является трехчленная типология литературных объединений:

1) *литературные салоны* как частные, неформальные, неофициальные объединения;

2) *литературные общества* как публичные, формальные (форменные), официальные организации;

3) *литературные кружки* как промежуточная с точки зрения названных критериев форма.

Литературный салон

Литературный салон, возникший в XVII в. во Франции как новая институция культурной жизни [Heyden-Rynsch, 1992; Bury, 2006], исторически представляет собой наиболее раннюю форму литературного объединения. Салоны «замещают в свое время более поздние поэтические кружки и литературные общества (vertreten zu ihrer Zeit die späteren Dichterkreise und lit<erarischen> Gesellschaften)» (словарная статья «Salons») [Wilpert, 2001, S. 715].

Существует традиционное представление о литературном салоне как о регулярных приемах для интеллектуально незаурядного и/или социально элитарного круга лиц (писатели, художники, ученые, государственные деятели, дворяне) в частных домах высококультурных аристократических дам. В России времен Серебряного века тоже существовали салоны, которые вполне соответствовали этому клише. В дальнейшем, однако, понятие «литературный салон» будет применяться в более широком смысле. Социальный статус и пол принимающего гостей лица (хозяина) не играют роли. Термин обозначает здесь вообще *регулярные встречи в частных*, *домашних рамках*, *в которых принимали участие писатели и на которых говорилось*, *в основном*, *о литературе*.

Определения, которые употребляли сами современники (как хозяева, так и участники) для наименования подобных салонообразных собраний, отсылают к установленному дню приема (*jour fixe*, понятию, превратившемуся в русском языке в слово *журфиксы*): «понедельники», «вторники» и т.д., или к привычной поре дня приемов – в России это были, как правило, *вечера*, протягивавшиеся иногда до глубокой ночи; изредка встречаются и *завтраки* (например, завтраки В.А. Тихонова [Шруба, 2004, с. 242]).

Особым значением наделена в салоне фигура *хозяйки* или *хозяина*; устроители регулярных встреч в собственном доме, проходивших в течение многих лет или даже десятилетий, отличаются по определению такими чертами характера, как гостеприимство и экстравертность. Это непременно интересные, вызывающие симпатию, привлекательные личности, обладающие способностью создавать у себя дома приятную атмосферу, иначе гости изначально не появлялись бы или очень быстро прекратили бы свои визиты. Очень важна также способность «модерировать» разговор, поддерживать беседу и придавать ей желаемое направление.

Интересно отметить достаточно необычное, но характерное для ситуации в России явление: многие хозяева салонов (журфиксов, вечеров) Серебряного века сами являлись писателями; более того, среди них можно легко перечислить имена первостепенных, выдающихся, широко известных авторов; таковы Я.П. Полонский, К.К. Случевский, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуб, В.В. Розанов, В.Я. Брюсов, Л.Н. Андреев. Классическому типу великосветского дворянского женского салона соответствуют в конце XIX – начале XX вв. в Петербурге, в первую очередь, собрания у книгоиздательницы А.А. Давыдовой, у писательницы баронессы В.И. Икскуль фон Гилленбанд, у публицистки и политической деятельницы А.В. Тырковой-Вильямс; московской особенностью, напротив, является целый разряд хозяек салонов, происходивших

из богатого купечества или из сословия крупных предпринимателей: В.А. Морозова, М.К. Морозова, Е.П. Носова, Г.Л. Гиршман.

Фигура хозяина/хозяйки играет в литературном салоне центральную роль, поскольку круг участников определяется их личным выбором. Посетители – это, как правило, обозримый круг представителей артистических и интеллектуальных профессий, общественных деятелей, а также литературно и художественно заинтересованных лиц, которые, как говорится, *вхожи* в дом хозяина. Следствием этого принципа отбора (приемлемости для хозяина) является соответственно разношерстный состав участников – гетерогенный по отношению к области профессиональной деятельности, к миросозерцательным, эстетическим и политическим воззрениям, к возрасту, социальному статусу и т.д. Среди участников находятся нередко лица, полностью чуждые артистическим или интеллектуальным кругам, например, личные друзья или родственники хозяина/хозяйки.

Неформальный характер салонообразных собраний манифестируется, в сопоставлении с литературным кружком, в значительно более необязательной постановке целей и в отсутствии ограничений по отношению к осуществлению этих целей:

> Салон более, чем кружок, связан с бытовой обстановкой эпохи, потому что в нем нет твердо фиксированного состава посетителей и нет обязательности его посещения. Тут формы значительно более свободны, чем в кружке [Аронсон, 1929, с. 36–37].

К видам литературной деятельности, культивируемым в салоне, принадлежит, в первую очередь, остроумная беседа; в распорядке дня могут стоять также литературные чтения, камерные концерты, реже доклады. Салон – это зачастую также место для литературных игр, поэтических импровизаций, сочинения стихов на заданные рифмы (буриме) и т.п. Достаточно типичное описание деятельности литературного салона дает Е.Н. Чириков, характеризуя вечера у актера Н.Н. Ходотова начала 1900-х гг.:

> В числе моих новых петербургских друзей был артист г. Ходотов, дом которого был салоном, открытым для служителей всех девяти Муз искусства и науки в лице наличного состава столицы, от знаменитостей до непризнанных гениев богемы. <...> Надо сказать, что вечера Ходотова и его салона всегда напоминали просто веселые товарищеские пирушки, вперемежку с литературными и артистическими выступлениями певцов, декламаторов, рассказчиков. Ужин всегда сопровождался значительными возлияниями Бахусу, и частенько пиры кончались бедою: не только ссорой, но иногда и драками людей с громкими именами! [Чириков, 1993, с. 368, 369].

Салон связан преимущественно с литературной рецепцией, кружок – преимущественно с литературной продукцией (приведем еще раз формулировку М.И. Аронсона: «Кружок больше связан с писателем, салон – с читателем» [Аронсон, 1929, с. 37]). Это связано не в последнюю очередь с тем, что писатели в салоне обычно составляют меньшинство посетителей; в литературном кружке, напротив, авторы, как правило, остаются между собой.

Совершенно очевидно, что салоны, журфиксы, литературные вечера и т.п. пользовались в высокообразованных кругах русских столиц конца XIX – начала XX в. большой популярностью. Поименно известны около ста хозяев салонообразных объединений с литературным профилем, которые проходили в этот период в одних только Москве и Петербурге. Поводов для популярности этой своеобразной социальной институции можно указать несколько.

Русские литературные салоны начала XIX в. соответствовали, с точки зрения их роли в культурном развитии, в основном, французским салонам XVII и XVIII вв. Это были места нарождения новой эстетики и нового типа литературы, места формирования общественного мнения, распространения определенного вкусового идеала, утончения рассудительности. Функцию формирования общественного мнения салоны самое позднее в 1850-е гг. уступили в пользу «толстых» литературно-публицистических журналов; с потерей этой функции они лишились в большой мере прежнего значения.

Салоны стали в России вновь существенным культурным фактором в 1880-е гг., причем их функция изменилась основательным образом. Теперь это, в первую очередь, места культивированного, интеллектуального времяпрепровождения, в одном ряду с театром или концертным залом. Их задача – это, в основном, поддержка общения в социальных рамках их «целевой группы» – численно все более растущего слоя хорошо образованных, заинтересованных в литературе и искусстве представителей нарождающегося среднего буржуазного городского класса. Мерой усиления этой окультуренной прослойки может послужить постоянно ускоряющееся с конца XIX в. развитие русского книжного рынка [Brooks, 1978].

Писателю салоны предлагали возможность вступления в контакт с «обычным», непрофессиональным читателем и восприятия его непосредственной реакции на прочитанное им. Посетителям подобных литературно-художественных вечеров, не принадлежащим к литературным или артистическим кругам, напротив, салоны давали возможность личной встречи со знаменитостями русской литературы. Характерен в этом отношении пассаж в воспоминаниях Н.В. Крандиевской-Толстой

об одном из приемов у московского книгоиздателя С.А. Скирмунта (1863–1932) в начале 1900-х гг.:

> В доме Скирмунта часто происходили многолюдные собрания. Я помню одно из них, на котором Горький делал сообщение о студенческой демонстрации у Казанского собора в 1901 г.
> Публики собралось много, и была она очень разнообразной: писатели, адвокаты, актеры, купцы и нарядные дамы. <...> Было ясно, что большинство пришло все за тем же: посмотреть вблизи на Горького. Вероятно, Горький понял это и почувствовал себя в кунсткамере [Крандиевская-Толстая, 1977, с. 29].

Салон не в последнюю очередь имеет значение как место установления и поддержки социальных и деловых контактов. Начинающие авторы получали возможность в непринужденной атмосфере заключать знакомство со старшими коллегами по цеху, с редакторами газет и журналов, с книгоиздателями; писатели и художники могли завязывать полезные связи с представителями государственных учреждений, с предпринимателями, меценатами, коллекционерами искусства и т.п.

Литературный кружок

Существует длинный синонимический ряд наименований для кружкообразных объединений, расположенных между частным салоном и публичным обществом: кружок, группа, группировка, круг, содружество, братство, цех, коллектив, кучка (ср.: «Могучая кучка») и др. Это понятия, которые отличаются друг от друга лишь в нюансах и которые обозначают, в сущности, одно и то же – *некоторое количество лиц*, *встречающихся регулярно в неформальных рамках*, *преследуя определенную цель*. Эту цель (предмет, задание, установку собраний) определяет та или иная разновидность кружка (политический, философский, религиозный, исследовательский, читательский и т.д.). То же относится и к литературному кружку; этот термин подразумевает группу эстетически или мировоззренчески единомыслящих писателей, нередко состоящих в дружеских отношениях, которые собираются регулярно в частной обстановке, чтобы дискутировать о литературе или о смежных темах, зачитывать собственные литературные произведения и выслушивать сочинения других членов группы и, не в последнюю очередь, чтобы поддерживать друг друга при развертывании литературной деятельности (в частности, организуя общие публичные выступления и содействуя совместным начинаниям в печати)[1].

[1] К истории и семантике понятия «кружок» в России см. также: [Jakobson, 1971, p. 527–530].

Кружок связан с салоном частным, неофициальным характером встреч; кружок отличается от салона наличием «общей платформы» [Бродский, 1930, с. VII] – эстетического, мировоззренческого, политического, коммерческого типа. Единое умонастроение членов кружка придает собраниям объединений данного типа, по сравнению с салоном, более обязательный и более формальный характер. Одновременно наличие общих намерений участников имплицирует (при установке на осуществление назначенных целей) потенциально общественное воздействие кружковой деятельности. Таким образом, сам «способ функционирования кружка» позволяет ему играть роль «посредника между общественной и частной жизнью» [Уокер, 1999, с. 211].

Сравнительно формальный характер кружка манифестируется, в частности, в таких приметах, как более или менее точно установленное число участников. От членов ожидается активное соучастие в деятельности кружка – обязательное присутствие на собраниях, участие в публичных выступлениях в рамках группы и в совместных публикациях (в кружковых сборниках, альманахах и т.п.):

> В практике обществ[2] часто наблюдается требование обязательного посещения заседаний. Индифферентизм к работе общества или кружка, непосещение его заседаний без уважительных причин обычно влечет за собою исключение из числа членов [Аронсон, 1929, с. 37].

Если верить воспоминаниям Андрея Белого, А.А. Блок, посетивший в октябре 1911 г. первое собрание основанного М.С. Гумилевым и С.М. Городецким кружка Цех поэтов, был «исключен <...> за непоявление в Цехе поэтов без уважительных причин» [Белый, 1995, с. 400].

Выражением присущей кружкообразным объединениям тенденции к повышенной форменности является также склонность к формализованнным или псевдоофициальным организационным структурам. Цели кружка нередко фиксируются в декларациях, манифестах или программных статьях; нередко устанавливаются правила для приема новых членов, хода работ и порядка заседаний; известны случаи протоколирования собраний, ведения списков присутствующих и т.п. Наконец, имеются более или менее четко выраженные признаки образования иерархических структур – встречаются кружки, наделявшие определенных членов должностями (казначея, секретаря и др.). В первую же очередь иерархия задана наличием заведующего лица, *руководителя* кружка.

[2] В отличие от настоящей работы, в статье М.И. Аронсона термин «общество» употребляется как синоним понятия «кружок».

Наличие центральной фигуры – еще одна черта, связывающая кружок с салоном, однако функция этой фигуры иная. В центре кружка стоит его основатель, определяющий идейную или эстетическую установку группы и привлекающий членов на основе личных отношений. Это зачастую харизматическая, из ряда вон выходящая личность с четкими представлениями о целях своего начинания, обладающая также необходимыми средствами для их достижения (хотя бы подходящей жилплощадью). Руководитель кружка обладает в идеальном случае такими качествами, как «неотразимое обаяние (или харизма), восприимчивость к личным и психологическим проблемам и, что особенно важно, способность создавать вокруг себя гармонические отношения» [Уокер, 1999, с. 213]. В случае кружков, группировавшихся вокруг редакций книгоиздательств или литературно-общественных журналов, в центре стоит главный редактор или редактор-издатель.

Частным (непубличным) или полупубличным является место собраний кружка. Это, как правило, квартира одного из членов (в первую очередь, руководителя) группы, а в случае редакционных кружков – редакционные помещения журнала или издательства. Бывает, что собрания проходят в ресторанах; суриковцы, московские писатели-самоучки, объединившиеся вокруг И.З. Сурикова, после кончины руководителя встречались в 1880-е гг. в трактире. Различные литературные кружки заседали в 1870–1880-е гг. в петербургских ресторанах «Малый Ярославец» [Плещеев, 1931, с. 151–153] и «Медведь» [Вейнберг, 1908; Демиденко, 2011]. Известный под названием «Обеды беллетристов» кружок писателей-реалистов встречался в ресторанах «Малый Ярославец» и «Донон» [Шруба, 2004, с. 140–141]; в московском ресторане «Эрмитаж» проходили ежемесячные встречи кружка Академические обеды вокруг юриста и философа В.И. Танеева [Волков, 1955, с. 525]. В качестве помещения для кружковых собраний, ресторан – пространство публичное, но неофициальное – занимает такое же промежуточное положение, какое характерно и для кружка в целом [Olaszek, 2010].

В сопоставлении с салонами кружки значительно менее долговечны [Аронсон, 1929, с. 36]. Если приемы в рамках салона могли проходить в течение десятилетий (рекорд принадлежит, кажется, Е.Н. Водовозовой-Семевской, которая проводила свои журфиксы вместе с мужьями (сначала с В.И. Водовозовым, затем с В.И. Семевским) с 1862 вплоть до 1916 г. [Шруба, 2004, с. 197–198]), то кружки, как правило, быстро распадаются. Причиной тому, как предполагает исследовательница русской кружковой культуры начала XX в., является «исключительно низкая внутренняя устойчивость кружка. Кружки возникали на основе личных связей, а значит, были в высшей степени подвержены раздорам и распаду» [Уокер, 1999, с. 212].

В рамках русской культуры, начиная с первой половины XIX в., формирование кружков в интеллигентской сфере – явление чрезвычайно распространенное: «The one infallible earmark of *intelligenty* since the time of the Masonic Lodges of the eighteenth century was their instinctive propensity, in whatever situation they found themselves, to coagulate into small *kruzhki*. In these *kruzhki* literature was assembled, exchanged, and discussed, *referaty* containing theses were presented and heatedly debated, and sooner or later *kruzhki* became the spring-board for more organized activity of an illegal or conspirational nature. If an individual did not manifest this penchant for *kruzhkovshchina*, it was a sign that somehow he did not belong to the intelligentsia» [Wildman, 1960, p. 157].

Барбара Уокер схоже оценивает данный феномен, говоря об интеллигентском кружке как о «социальном образовании, доминировавшем в интеллектуальной жизни России практически с самого ее зарождения» [Уокер, 1999, с. 211]. Каковы же причины популярности кружка как организационной формы?

Что касается специально писательских кружков, то они предлагали своим членам, в первую очередь, компетентную и критическую аудиторию из представителей той же самой профессии, которые были в состоянии указать на слабые места зачитанных перед ними литературных произведений, содействуя их улучшению перед отправкой в печать. Для автора обсуждение принципиальных эстетических вопросов в рамках кружка – это бесценная возможность прояснить собственные художественные принципы. Так, например, Л.Н. Андреев, член кружка писателей-реалистов Среда, ценил собрания участников именно в связи с их ролью литературной мастерской [Львов-Рогачевский, 1914].

Кружок мог, однако, выполнять еще и другую функцию, кроме предоставления квалифицированной аудитории для произведений и идей участников: «Помимо соображений идейных, причиной создания, распада и вражды некоторых литераторских союзов была рекламно-коммерческая деятельность» [Фельдман, 1998, с. 35]. Немаловажной функцией была именно протекция – взаимная поддержка членов с целью содействия размещению произведений участников в органах печати и издательствах, их продвижения на книжном рынке и, в конечном итоге, с целью коммерческого успеха. Данный аспект для профессионального автора мог быть жизненно важным: «Но еще более важным представляется функционирование кружка в качестве посредника для установления личных, эмоциональных связей ради достижения профессиональных, экономических выгод. Именно так честолюбивые интеллигенты искали для себя – покровительства, а для своих идей и деятельности – аудитории» [Уокер, 1999, с. 211].

В России и не только в России начинающему писателю или «одиночке» без личных связей, без протекции со стороны круга признанных авторов всегда нелегко было печататься, не тратя денег, не говоря уже о том, чтобы что-то заработать. В отличие от салона и общества, кружки являются преимущественно закрытыми заведениями, не без затруднений принимающими новых членов. Один из путей, ведущих к тому, чтобы в перспективе иметь возможность воспользоваться протекцией кружка, – это хлопотливое завязывание личных контактов; надо знать нужных людей, подружиться с ними, чтобы вообще могла появиться оказия приема в кружок.

Другой путь – это основать самому кружок «рода “группы взаимной поддержки”» [Фельдман, 1998, с. 35]. В качестве примера Д.М. Фельдман указывает на кружок реалистически ориентированных авторов вокруг М.П. Арцыбашева второй половины 1900-х гг. С помощью своего кружка Арцыбашев хотел, с одной стороны, бороться с «декадентами» (символистами), с другой – утвердиться в соревновании с «генералами», т.е. с видными представителями группы знаньевцев (писателей-реалистов, сплоченных вокруг книгоиздательского товарищества «Знание»). Показательно приведенное Д.М. Фельдманом высказывание Арцыбашева в письме к В.В. Муйжелю: «Среди декадентов, среди хулиганов и генералов мы прошли благополучно и быстро благодаря кружку» [Там же]. Другим примером может послужить история возникновения еще одного совместного начинания реалистов, Издательского товарищества писателей [Шруба, 2004, с. 63–64]. Если же говорить об авторах-модернистах всевозможных течений (будь это символисты, футуристы или акмеисты), то основание собственных кружков представляло решительно единственную возможность, чтобы добиться распространения собственных произведений.

Особенностью модернистских литературных кружков всех мастей было то, что они должны были вести борьбу на два фронта: с одной стороны, как и все новички на журнальном и книгоиздательском рынке, против *коммерчески устоявшихся* писательских формаций с контролируемыми ими же редакциями журналов и издательств; но одновременно они должны были также вести бой против *эстетически традиционных* представлений издателей и литераторов, в руках которых эти редакции находились. Следствием была установка на агрессивное, провокативное размежевание от других кружков [Фельдман, 1998, с. 36–37], применяемое всеми модернистскими группировками еще с первых дней символизма. С тех пор как В.Я. Брюсов в 1894 г. в первом модернистском альманахе «Русские символисты» позаботился о том, чтобы шокировать современников своим завуалированно эротическим

моностихом «О, закрой свои бледные ноги», литературный скандал прочно устоялся как средство саморекламы и привлечения внимания публики. Футуристы в начале 1910-х гг. лишь привели к крайности тот же самый прием.

Литературный скандал – это, конечно, не изобретение модерна. Он всегда сразу же появлялся, когда враждующие группировки боролись друг с другом на почве новых эстетических ориентаций; в России борьба была особенно интенсивной в контексте конфликта между «архаистами» и «новаторами» в начале XIX в. [Проскурин, 2000]. Однако в те времена скандал в литературных кругах еще не был наделен рекламной функцией; он был скорее побочным эффектом при попытке дискредитации воззрений литературных врагов. Напротив, ориентированная принципиально на скандал деятельность футуристских группировок представляет собой, в переводе на современный язык, в сущности, «агрессивный маркетинг» [Фельдман, 1998, с. 38], служивший в конечном итоге упрочению собственной позиции на литературном рынке.

Литературное общество

Публичный, формальный, официальный полюс принятой здесь типологии занимает разновидность объединений, которую мы предлагаем называть литературным обществом. Как и понятие «кружок», так и термин «общество» имеет в русском языке различные синонимы. Наиболее распространены в контексте литературных объединений – *союз*, *уния*, *товарищество* (термин, обозначающий специфическую юридическую форму объединений), *ассоциация*, *лига*, *клуб*. На практике, однако, решительную роль играет не буквальное наименование того или иного объединения, а его фактический типологический статус. Московский *Литературно-художественный кружок* содержит слово «кружок» в названии, однако это отнюдь не кружок, а типичное общество; под официально звучащим наименованием *Интуитивная ассоциация*, напротив, прячется маленький эгофутуристический авторский кружок; объединение, известное под названием *Салон искусств* «*Единорог*», – это не салон в смысле принятой здесь типологии, а скорее литературно-артистический кружок.

Под термином «литературное общество» подразумевается здесь *действующее* ***публично*** *объединение лиц, преследующих литературные или окололитературные цели и* ***формально*** (посредством устава или положения) *связанных друг с другом*. Принятие членами определенной формальной структуры сопровождается, как правило, ее легализацией –

утверждением устава/положения и *официальной* регистрацией в имеющихся государственных или городских учреждениях; в условиях царской России это могло быть, в зависимости от местонахождения, типа и профиля общества, например, «Губернское (или Городское) по делам об обществах присутствие», Министерство внутренних дел или Министерство народного просвещения.

Подлежащий обнародованию в печати *устав* (*положение*) как формальная основа общества фиксирует такие элементы, как официальное название объединения, местонахождение, цель, сфера деятельности, способы деятельности; в уставе регулируются такие вопросы, как состав членов, порядок их вступления и выбытия, права и обязанности членов, членские взносы, средства объединения, организационная структура, выбор лиц, наделенных особыми функциями, порядок собраний, правила изменения устава и закрытия общества и т.д.

Определение цели в уставе, на первый взгляд, связывает общество с кружком; между тем, данный пункт затрагивает существенную разницу между обоими типами объединений. Постановка цели литературного кружка значительно более конкретна и специфична; она преимущественно рассчитана, таким образом, на небольшой круг лиц. Зафиксированные в уставах цели литературных обществ сформулированы, как правило, в самых общих выражениях (общение деятелей литературы, содействие изящным искусствам, поддержка молодых литераторов и т.п.). Для иллюстрации приведем начальные абзацы уставов двух видных литературных обществ:

I. Цель и права кружка

§ 1. Московский Литературно-Художественный Кружок имеет основною целью способствовать развитию литературы и изящных искусств и ближайшею целью:

а) общение литераторов и художников;
б) исполнение совокупными силами членов Кружка и приглашенных лиц различных сценических произведений, концертов, публичных чтений и т.п.;
в) устройство художественных выставок, вечеров и собраний.

[Устав МЛХК, 1898, с. 1]

Цель Общества

1. Цель С.-Петербургского Литературного Общества:

1) сближение, общение и объединение деятелей всех отраслей литературы на почве литературных интересов;
2) всестороннее содействие развитию и процветанию литературы.

[Устав СПбЛО, 1907, с. 1].

Цели, которые ставят себе общества в уставах, так общи и отвлеченны, что едва ли кто-нибудь мог бы заявить себя несогласным с ними.

Еще одна существенная разница между обществом и кружком имеется в формальной природе этих двух типов объединений: у кружка, при сравнении с обществом, значительно менее выражена формальная структура; отсутствует также акт официальной регистрации.

Более важными для практической работы общества, чем указание на цель, являются зафиксированные в уставе *сферы деятельности общества*. К ним принадлежит обычно устройство литературных, музыкальных и художественных вечеров, публичных докладов, чтений, концертов, выставок, драматических представлений. В идеальном случае у общества имеется согласие властей на издательскую деятельность, выходящую за рамки публикаций для внутренних целей (уставов, списков членов, отчетов о деятельности и т.п.) и охватывающую также публикацию периодических изданий и произведений членов общества; в уставах встречается иногда также разрешение на основание филиалов в других городах. От того, чту именно разрешили государственные или городские учреждения, утверждая устав, зависит действенность, дееспособность, привлекательность данного общества. Санкционированная в уставе московского Литературно-художественного кружка игра в карты на деньги («VI. Об играх» [Устав МЛХК, 1898, с. 15–16]) превратила это общество в кратчайшие сроки («число членов росло не по дням, а по часам») в процветающее, весьма состоятельное предприятие (прогрессивные «штрафы с засидевшихся за “железкой” игроков пополняли кассу» [Гиляровский, 1961, с. 240]) и в одно из наиболее популярных мест времяпрепровождения не только для писателей.

От салона и от кружка, проводящих свои собрания в частных, интимных рамках, общество отличается публичным местонахождением помещений, в которых развивается деятельность данного типа объединений.

В отличие от салона или кружка, обычно средоточием общества не является особо выдающаяся, харизматическая личность. Общества создаются, как правило, *инициатором* или группой инициаторов; этот круг лиц обсуждает цели и задачи основываемого общества, набрасывает устав, заботится о привлечении других лиц, которые могли бы быть заинтересованы в членстве. Расширенный таким образом круг участников образует группу *членов-учредителей*; они же принимают устав и предлагают его властям для утверждения; после утверждения устава созывается *учредительное собрание*, на котором общество конституируется и избирает органы руководства обществом – *правление* или *совет*. Среди членов распределяются путем выборов руководящие должности; это, как правило, *председатель*, его заместитель (*товарищ*

председателя), затем *секретарь*, *казначей* и *члены правления*; иногда имеются также должности руководителей и членов отдельных комиссий. Инициаторы общества обычно находятся в числе первоначального круга руководителей.

Просто члены различаются зачастую по категориям, причем терминология тут может варьироваться в зависимости от устава; чаще всего встречаются следующие названия: *почетный член*, *действительный член*, *член-соревнователь*, *член-посетитель*, *кандидат в члены*. В уставах зафиксированы эвентуальные предпосылки для членства (например, публикации в печати как доказательство профессиональной писательской деятельности), равно как способы и условия принятия; обычно желающие стать членом общества выдвигаются одним или несколькими членами, после чего на очередном собрании членов голосованием решается вопрос о принятии кандидата в члены.

Состав членов общества значительно более гетерогенен, чем в случае участников кружка; цели и основы деятельности общества, установленные уставом в самых общих чертах, принципиально подразумевают взаимотерпимость, обеспечивая единение лиц различных профессиональных сфер, поколений, мировоззрений. Если союзы писателей, как правило, предназначены именно для литераторов (что гарантирует, по крайней мере, единство сферы деятельности членов, но никак не единство убеждений), то к обществам *литературно-художественным* могут принадлежать не только писатели, артисты и художники, но и представители неартистических профессий. В.А. Гиляровский утверждал, что понятие «общественный деятель» было введено именно для облегчения приема в московский Литературно-художественный кружок представителей *не-литературных и не-художественных* профессий:

> Для поступления в действительные члены явился новый термин: «общественный деятель». Это было очень почтенно, и модно, и даже иногда заменяло все. В баллотировочной таблице стояло: «...такой-то, общественный деятель», – и выборы обеспечены. В члены-соревнователи выбирали совсем просто, без всякого стажа [Гиляровский, 1961, с. 240].

С точки зрения гетерогенности круга участников, общества схожи с салонами; правда, в случае последних публика более обозрима, атмосфера более интимна; численность общества составляет нередко несколько сот членов, а то и больше. В отличие от участников кружка, члены общества не обязательно все знакомы друг с другом; в случае салона, по крайней мере, хозяин лично знаком со всеми посетителями своего дома.

Общество как таковое может перенимать различные функции; в зависимости от профиля данный тип объединения может выполнять задачи *профсоюза* (репрезентация профессиональных интересов членов), *научной институции* (исследовательская, выставочная, лекторская деятельность), *издательства* (издательская, публикационная деятельность) и не в последнюю очередь – *клуба* (проведение свободного времени, поддержка социальных контактов).

В связи с этой потенциально многогранной деятельностью официальный статус общества приносит с собой и преимущества, и недостатки. К преимуществам принадлежит возможность осуществления задач деятельности общества с большей настойчивостью, будь это легальное проведение публичных мероприятий или послабления в области издательской деятельности. «Впрочем, официальная регистрация, давая ряд преимуществ для совместной издательской деятельности, часто ограничивала свободу регистрируемых организаций» [Фельдман, 1998, с. 31–32]. Основным недостатком официальной регистрации является ограничение свободы слова – не только потому что в публичном пространстве царят другие правила, чем в частной обстановке собственного дома, но и потому, что в царской России публичное пространство было подвержено, особенно в области политических суждений, значительным рестрикциям. Политически сомнительные высказывания в рамках публичной деятельности общества могли приводить к его немедленному закрытию в административном порядке (без судебного решения). Известны, в частности, случаи административного закрытия ряда петербургских писательских союзов в начале 1910-х гг., о чем рассказывается в воспоминаниях А. Евгеньева (А.Е. Кауфмана):

> Весною 1911 г. [С.-Петербургским] Литературным Обществом принята была резолюция, направленная против профессоров Э. Тримма, Гревса и некоторых других, читавших лекции в присутствии агентов полиции. Резолюция эта, принятая в отсутствии председателя [Н.Ф.] Анненского, вызвала большой раскол. <...> Вскоре после последнего общего собрания градоначальник обратился в Совет с требованием разъяснения по поводу «резолюции». <...> Как бы то ни было, распоряжением администрации СПб. Литературное Общество было закрыто. Совет подал жалобу в сенат, оставленную без последствий.
>
> Петербургское Литературное Общество было закрыто 1-го июля 1911 г. На его развалинах создано было явившееся его продолжением Всероссийское Литературное Общество. Не успело общество развить свою деятельность, как вспыхнула война, и администрация закрыла его на все время военных действий [Евгеньев, 1919, с. 5].

Парадоксальным образом, несмотря на постоянно угрожающую опасность административного запрета, из всех представленных выше трех типов объединений именно общества, как правило, наиболее долговечны. Кружки же наиболее недолговечны – они распадаются обычно в течение немногих лет; салоны, как правило, более прочны – не являются редкостью частные приемы, проводившиеся не одно десятилетие; между тем, общества могут существовать столетие, а то и дольше. Наиболее древнее русское филологическое объединение, Общество любителей российской словесности, существовало с 1811 по 1930 г.; организация-преемник основанного в 1859 г. Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) существует по сегодняшний день, превратившись в 2014 г. в Международный литературный фонд (http://litfondbox.narod.ru/).

Переходные формы и тенденции развития

Следует подчеркнуть, что при описании выделенных выше трех типов литературных объединений отмечались *типичные* приметы. На практике существуют также смешанные и переходные формы. В конце XIX – начале XX вв. зачастую расплываются границы между литературным салоном и кружком литераторов-единомышленников. Это связано с тем, что именно в это время эстетические установки хозяев и посетителей салонов нередко совпадали. Другими словами, существовали модернистские (в первую очередь символистские) салоны – «среды» Вяч.И. Иванова, «воскресенья» Ф.К. Сологуба и др. – и традиционалистские (они же реалистические) салоны – «воскресенья» Д.И. Тихомирова, «среды» Н.Д. Телешова и т.д.; особый статус наблюдается также в случае «пятниц» К.К. Случевского, объединявших черты салона и поэтического кружка.

Характерно, что эти салонообразные объединения с четко выделенными эстетическими предпочтениями могли очень легко превращаться в «настоящие» литературные кружки или служили питательной почвой для таких кружков. Собрания у Телешова по средам, устраиваемые им в частной обстановке для друживших с ним писателей реалистического толка, превратились очень быстро в кружок реалистов Среда.

В России в данный период вообще наблюдается тенденция развития объединений от неформальных, неофициальных, частных форм к форменным, официальным, публичным организациям. Салон зачастую превращался в кружок, а кружок, в свою очередь, – в общество. Две наиболее разветвленные линии развития связаны с салонами Я.П. Полонского и Вяч.И. Иванова как исходными точками.

«Пятницы» Я.П. Полонского, проходившие с конца 1850-х гг., превратились после кончины поэта в 1898 г., с одной стороны, в частный салон («пятницы») К.К. Случевского, с другой – в организованное вдовой Полонского публичное общество – Литературно-художественный кружок имени Я.П. Полонского (в недрах которого затем сформировалось в 1900 г. черносотенное литературно-политическое объединение Русское собрание [Евгеньев, 1919, с. 4]). «Пятницы» К.К. Случевского же превратились после смерти хозяина в 1904 г. в полуофициальный кружок поэтов Вечера К.К. Случевского.

Ивановские «среды», возникшие в 1905 г., породили, с одной стороны, в 1906 г. два поэтических кружка (Друзья Гафиза и Фиас) для узкого круга избранных посетителей салона; с другой стороны, именно на «башне» Иванова возникло в 1909 г. вокруг хозяина полуофициальное Общество ревнителей художественного слова (Академия стиха). Когда деятельность общества в 1912 г. временно прекратилась, в качестве попытки его воскрешения сформировался литературный кружок Общество поэтов («Физа»).

Еще одним примером является в этом отношении салон («воскресенья») З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, который, ввиду своей ярко выраженной модернистской публики, а также из-за специфики преимущественно обсуждаемых в нем тем, носил черты литературного кружка. Именно в салоне/кружке Мережковских было затеяно публичное общество Религиозно-философские собрания (1901–1903), ближайшим образом связанное с мировоззренчески-эстетической установкой четы вдохновителей.

Альтернативные формы самоорганизации литературной общественности

Вне предпринятой выше типологии литературных объединений остался ряд появившихся в России во второй половине XIX в. альтернативных (не являющихся объединениями) форм литературного общения, наделенных, однако, некоторыми признаками литературных объединений. Данные явления поддаются описанию с применением введенных выше функциональных типологических критериев, представляя собой одноразовые *публичные*, *неформальные* и *неофициальные* «*литературные собрания*». Ниже они рассматриваются в порядке дополнения.

Следует отметить, что вспышка активности как литературных объединений, так и прочих форм литературных собраний в 1880–1890-е гг. связана не в последнюю очередь с ужесточением цензурного режима с началом царствования Александра III. После введения положения «О временных мерах относительно периодической печати» 1882 г.

усиление административного контроля над органами печати привело к тому, что периодические издания, особенно литературно-общественные журналы, почти полностью лишились функции публичного форума для более или менее свободного обмена идеями. Литераторы искали и находили альтернативные форумы.

К наиболее популярным платформам (относительно) бесцензурного слова в те времена принадлежали *литературные банкеты* или *обеды*. Историк А.А. Кизеветтер подчеркивает роль подобных застолий в своих воспоминаниях о литературной жизни Москвы в 1880-е гг.:

> Юбилейные банкеты служили тогда той отдушиной, в которую москвичи выпускали принудительно сдерживаемые цивические настроения. Здесь громом апплодисментов покрывались речи популярных застольных ораторов, которые действительно нередко воспаряли на высоты истинного красноречия. Необходимой принадлежностью каждой такой речи являлся некоторый оппозиционный душок, достаточно прозрачный, чтобы вызвать в слушателях приятное возбуждение, и в то же время достаточно умеренный, дабы пир не окончился бедою [Кизеветтер, 1926, с. 131].

Это отнюдь не единственное свидетельство о подобных мероприятиях и их популярности. П.П. Перцов пишет в своих воспоминаниях о литературном Петербурге 1892–1893 гг.:

> Еще больше различной литературной публики – знаменитостей и неизвестностей – приходилось встречать на литературных обедах, бывших тогда популярнейшей формой писательского общения, т.к. все другие формы были сопряжены с затруднениями и опасностями. Обеды эти устраивались в больших ресторанах – правда, не у великосветского Кюба, а так где-нибудь в «Малом Ярославце» или у «Медведя» на Б. Конюшенной [Перцов, 2002, с. 80].

Граница между литературными обедами и литературными объединениями была, впрочем, расплывчатой. Упомянутый выше московский кружок В.И. Танеева, существовавший с 1877 по 1904 г., носил название Академические обеды, потому что участники встречались раз в месяц в ресторанах; другим объединением данного типа был возникший по инициативе А.П. Чехова петербургский кружок Обеды беллетристов, существовавший в 1893–1901 гг. [Шруба, 2004, с. 140–141].

Литературные банкеты нередко устраивались по поводу юбилея писательской деятельности того или иного автора. Тут мы касаемся другой разновидности альтернативных форм самоорганизации литературной общественности, которая могла совпадать, но необязательно совпадала

с банкетами или обедами, и которую, поэтому, следует выделить в особую категорию: это *писательские юбилеи* [Мельгунов, 2001] и *годовщины смерти* [Вдовин, 2010]. В своем обзоре литературной жизни Петербурга начала 1890-х гг. П.П. Перцов упоминает и этот вид писательского общения:

> Кроме обедов и юбилеев, литературных знаменитостей можно было созерцать еще на литературных вечерах, которые устраивались довольно часто, то «в память» или «в честь» кого-либо, то просто с благотворительной целью. Помню особенно один из таких вечеров, устроенный Литературным фондом отчасти в память только что скончавшегося Фета (в конце ноября или начале декабря 1892 г.) [Перцов, 2002, с. 82].

Наиболее значительное торжество данного типа прошло 6–8 июня 1880 г. в Москве по поводу возведения и открытия памятника А.С. Пушкину [Левитт, 1994]; в празднествах приняли участие крупнейшие представители русской культуры, в частности, Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев, выступившие с речами; среди участников были также И.С. Аксаков, В.О. Ключевский, А.Н. Островский, Г.И. Успенский и др. Очень активно отмечались также две годовщины, связанные с именем Н.В. Гоголя – 50-летие со дня смерти в 1902 г. и столетие со дня рождения в 1909 г. [Невская, 2010; Михайлова, 2019].

К тому же ряду альтернативных форм самоорганизации литературной общественности принадлежат, наконец, *публичные похороны* известных писателей и артистов. Особенно похороны широко известных прогрессивных личностей регулярно принимали форму многотысячных демонстраций. Как сообщает автор исследования, посвященного данному «жанру», начало этой традиции положили похороны актера А.Е. Мартынова в 1860 г. в Петербурге.

«Мартынов пользовался огромной популярностью у демократической интеллигенции, и его похороны вылились в настоящую смуту, открытое проявление массовых настроений <...>. На следующий год, когда полчища людей собрались на похороны Добролюбова, стало ясно, что публичные похороны харизматических идеологов-мыслителей стали неотъемлемой чертой русской общественной жизни» [Никелл, 2000, с. 46].

Характер массовых митингов имели также похороны Н.А. Некрасова (1877), Ф.М. Достоевского (1881) [Tyrras, 1986], И.С. Тургенева (1883) [Левитт, 1994, с. 168–171], М.Е. Салтыкова-Щедрина (1889), Н.В. Шелгунова (1891), Н.К. Михайловского (1904) [Петрова, 1999, с. 105], С.Н. Трубецкого (1905) [Минцлов, 1931, с. 158–160; Трубецкая, 1953,

с. 169–171] и, наконец, Л.Н. Толстого (1910). Широкое распространение «жанра публичных похорон» в России основано, как полагает исследователь, «на общей склонности русского общества придавать особый, политический оборот смертям известных писателей, мыслителей и политиков» [Никелл, 2000, с. 45].

Библиографический список / References

Аронсон, 1929 – Аронсон М.И. Кружки и салоны // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б.М. Эйхенбаума. Л., 1929. С. 15–82. [Aronson M.I. Circles and salons. *Aronson M.*, *Reiser S. Literaturnye kruzhki i salony*. B.M. Eikhenbaum (ed. and preface). Leningrad, 1929. Pp. 15–82. (In Russ.)]

Аронсон, Рейсер, 1929 – Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б.М. Эйхенбаума. Л., 1929. [Aronson M., Reiser S. Literaturnye kruzhki i salony [Literary circles and salons]. B.M. Eikhenbaum (ed. and preface). Leningrad, 1929.]

Белый, 1995 – Белый А. Собрание сочинений: Воспоминания о Блоке. М., 1995. [Bely A. Sobranie sochinenii: Vospominaniya o Bloke [Collected works: Memories of Blok]. Moscow, 1995.]

Бродский, 1930 – Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Ред., вступ. статья и прим. Н.Л. Бродского. М.; Л., 1930. [Literaturnye salony i kruzhki. Pervaya polovina XIX veka [Literary salons and circles. First half of the 19th century]. N.L. Brodskii (ed., introduction and notes). Moscow; Leningrad, 1930. (In Russ.)]

Вдовин, 2010 – Вдовин А. Годовщина смерти литератора как праздник: становление традиции в России (1850–1900-е гг.) // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. München, 2010. С. 81–93. [Vdovin A. The anniversary of an author's death as a celebration: Formation of a tradition in Russia (1850s–1900s). *Festkultur in der russischen Literatur* (*18. bis 21. Jahrhundert*). Munich, 2010. Pp. 81–93. (In Russ.)]

Вейнберг, 1908 – Вейнберг П.И. Литературные обеды: (Из моего литературного архива) // Исторический вестник. 1908. Т. 111. № 1. С. 177–185. [Veinberg P.I. Literary dinners: (From my literary archive). *Istoricheskii vestnik*. 1908. Vol. 111. No. 1. Pp. 177–185. (In Russ.)]

Волков, 1955 – Волков А.А. Литературная жизнь: 2. Литературные объединения // История Москвы. М., 1955. Т. 5. С. 522–526. [Volkov A.A. Literary life: 2. Literary associations. *Istoriya Moskvy.* Moscow, 1955. Vol. 5. Pp. 522–526. (In Russ.)]

Гиляровский, 1961 – Гиляровский В.А. Избранное: В 3 т. М., 1961. Т. 3. [Gilyarovskii V.A. Izbrannoe: V 3 t. [Selected works: In 3 vol.]. Moscow, 1961. Vol. 3.]

Демиденко, 2011 – Демиденко Ю. Рестораны, трактиры, чайные...: Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века. М.; СПб., 2011. [Demidenko Yu. Restorany, traktiry, chaynye...: Iz istorii obshchestvennogo pitaniya v Peterburge XVIII – nachala XX veka [Restaurants, pubs, tea rooms...: From

the history of the gastronomy in Petersburg, 18th – beginning of the 20th century]. Moscow; St. Petersburg, 2011.]

Евгеньев, 1919 – Евгеньев А. Писательские общества и кружки // Вестник литературы. 1919. № 3. С. 2–5. [Evgen'ev A. Writers societies and circles. *Vestnik literatury*. 1919. No. 3. Pp. 2–5. (In Russ.)]

Кизеветтер, 1926 – Кизеветтер А. Из воспоминаний восьмидесятника. I. Москва // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 1 (14). С. 119–132. [Kizevetter A. From the memories of a vos'midesiatnik. I. Moscow. *Golos minuvshego na chuzhoi storone*. Paris, 1929. No. 1 (14). Pp. 119–132. (In Russ.)]

Крандиевская-Толстая, 1977 – Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. Л., 1977. [Krandievskaya-Tolstaya N.V. Vospominaniya [Memories]. Leningrad, 1977.]

Левитт, 1994 – Левитт М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. СПб., 1994. [Levitt M.Ch. Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda [Literature and politics: The Pushkin celebration of 1880]. Transl. from English. St. Petersburg, 1994.]

Львов-Рогачевский, 1914 – Львов-Рогачевский В.Л. Л. Андреев о московских «Средах» // Львов-Рогачевский В.Л. Две правды. Книга о Л. Андрееве. СПб., 1914. С. 212–213. [L'vov-Rogachevskii V.L. Leonid Andreyev on the meetings of the Muscovite circle "Sreda". *L'vov-Rogachevskii V.L. Dve pravdy. Kniga o L. Andreeve.* St. Petersburg, 1914. Pp. 212–213. (In Russ.)]

Мельгунов, 2001 – Мельгунов Б.В. О первых юбилеях русских писателей (И.С. Тургенев, А.Н. Островский, Н.А. Некрасов) // Русская литература. 2001. № 4. С. 148–153. [Mel'gunov B.V. On the first anniversaries of Russian writers (I.S. Turgenev, A.N. Ostrovskij, N.A. Nekrasov). *Russkaia literatura*. 2001. No. 4. Pp. 148–153. (In Russ.)]

Минцлов, 1931 – Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. [Mintslov S.R. Peterburg v 1903–1910 godah [Petersburg in the years 1903–1910]. Riga, 1931.]

Михайлова, 2019 – Михайлова М.В. Гоголевские юбилеи 1902 и 1909 гг. в критике и публицистике // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 68–99. [Mikhailova M.V. The 1902 and 1909 Gogol' anniversaries in criticism and publicistic activity. *Emigrantica et cetera: K 60-letiyu Olega Korosteleva*. E.R. Ponomarev, M. Schruba (eds.). Moscow, 2019. Pp. 68–99. (In Russ.)]

Невская, 2010 – Невская Д. Н.В. Гоголь: юбилей писателя как способ «присвоения» // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. München, 2010. С. 119–126. [Nevskaia D. N.V. Gogol': The writer's anniversary as a means of "appropriation". Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert). München, 2010. S. 119–126. (In Russ.)]

Никелл, 2000 – Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 4 (44). С. 43–61. [Nickell W. Tolstoy's death and the genre of public funerals in Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. No. 4 (44). Pp. 43–61. (In Russ.)]

Перцов, 2002 – Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002. [Pertsov P.P. Literaturnye vospominaniya. 1890–1902 gg. [Literary memoirs. 1890–1902]. Moscow, 2002.]

Петрова, 1999 – Петрова М.Г. Михайловский Н.К. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4 (М–П). С. 99–106. [Petrova M.G. Mikhailovskii N.K. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar*. Moscow, 1999. Vol. 4 (M–P). Pp. 99–106. (In Russ.)]

Плещеев, 1931 – Плещеев А.А. Что вспомнилось (За 50 лет). Париж, 1931. [Pleshcheev A.A. Chto vspomnilos (Za 50 let) [What I recall (Throughout 50 years)]. Paris, 1931.]

Проскурин, 2000 – Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. [Proskurin O. Literaturnye skandaly pushkinskoy epohi [Literary scandals of the Pushkin epoch]. Moscow, 2000.]

Трубецкая, 1953 – Трубецкая О. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. [Trubetskaia O. Knyaz S.N. Trubetskoy: Vospominaniya sestry [Prince S.N. Trubetskoy: His sister's memoirs]. New York, 1953.]

Уокер, 1999 – Уокер Б. Кружковая культура и становление советской интеллигенции: на примере Максимилиана Волошина и Максима Горького // Новое литературное обозрение. 1999. № 6 (40). С. 210–222. [Walker B. Circle culture and the formation of the soviet intelligentsia: The example of Maksimilian Voloshin and Maksim Gorky. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1999. No. 6 (40). Pp. 210–222. (In Russ.)]

Устав МЛХК, 1898 – Устав Московского Литературно-Художественного Кружка. М., 1898. [Ustav Moskovskogo Literaturno-Hudozhestvennogo Kruzhka [Statutes of the Moscow Literary-Artistic Circle]. Moscow, 1898.]

Устав СПбЛО, 1907 – Устав С.-Петербургского Литературного Общества. СПб., 1907. [Ustav S.-Peterburgskogo Literaturnogo Obshchestva [Statutes of the St. Petersburg Literary Society]. St. Petersburg, 1907.]

Фельдман, 1998 – Фельдман Д.М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998. [Feldman D.M. Salon-predpriyatie: Pisatelskoe obedinenie i kooperativnoe izdatelstvo «Nikitinskie subbotniki» v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-h godov [Salon-enterprise: Writers association and cooperative publishing house "Nikitinskie subbotniki" in the context of the literary process of the 1920s–1930s.]. Moscow, 1998.]

Чириков, 1993 – Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 281–416. [Chirikov E.N. On the ways of life and creative activity. Fragments of memoirs. *Litsa: Biograficheskii almanakh*. Moscow; St. Petersburg, 1993. Vol. 3. Pp. 281–416. (In Russ.)]

Шруба, 2004 – Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. [Schruba M. Literaturnye obedineniya Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar [Literary associations in Moscow and Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, 2004.]

Шруба, 2006 – Шруба М. Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 493–509. [Schruba M. Additions to the dictionary "Literary associations in Moscow and Petersburg 1890–1917". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2006. No. 77. Pp. 493–509. (In Russ.)]

Brooks, 1978 – Brooks J. Readers and Reading at the End of the Tsarist Era. *Literature and Society in Imperial Russia*, *1800–1914*. W.M. Todd III (ed.). Stanford, 1978. Pp. 97–150, 282–290.

Bury, 2006 – Bury E. Espaces de la République des Lettres : des cabinets savants aux salons mondains. *Histoire de la France littéraire. T. 2. Classicismes. XVIIe–XVIIIe siècle*. Paris, 2006. Pp. 88–116.

Heyden-Rynsch, 1992 – Heyden-Rynsch V. von der. Europäische Salons. Höhepunkte einer versunkenen weiblichen Kultur. München, 1992.

Jakobson, 1971 – Jakobson R. An Example of migratory terms and institutional models (On the fiftieth anniversary of the Moscow Linguistic Circle). *Jakobson R. Selected Writings*. The Hague [et al.], 1971. Vol. 2. Pp. 527–538.

Olaszek, 2010 – Olaszek B. Литературные обеды в культурном пространстве Петербурга второй половины XIX века // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. München, 2010. С. 71–79. [Olaszek B. Literary dinners in the cultural space of Petersburg in the second half of the 19th century. *Festkultur in der russischen Literatur* (*18. bis 21. Jahrhundert*). München, 2010. S. 71–79. (In Russ.)]

Tyrras, 1986 – Tyrras N. On Dostoevsky's Funeral. *Slavic and East European Journal*. 1986. Vol. 30. No. 2. Pp. 271–277.

Wildman, 1960 – Wildman A. The Russian Intelligentsia of the 1890's. *The American Slavic and East European Review*. 1960. Vol. 19. Pp. 157–179.

Wilpert, 2001 – Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur. 8., verbesserte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 2001.

Статья поступила в редакцию 17.10.2020
The article was received on 17.10.2020

Об авторе / About the author

Шруба Манфред – доктор филологических наук; профессор Департамента межъязыковых взаимодействий и межкультурной коммуникации, Миланский университет, Италия

Manfred Schruba – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Studies in Language Mediation and Intercultural Communication, University of Milan, Italy

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9174-2998
E-mail: manfred.schruba@unimi.it